

является ли этичным публикация информации об этом научном исследовании или обучении.

Таким образом, процесс обратного проектирования программного обеспечения является весьма дискуссионным вопросом, как с правовой точки зрения, так и с позиции философско-этического осмысления. Отсутствие судебной практики по указанному вопросу также способствует дальнейшей дискуссии о законности и этике обратного проектирования программного обеспечения.

Литература:

1. Национальный кодекс деятельности в области информатики и телекоммуникаций // PC Week. – 2010. – Режим доступа: <http://www.pcweek.ru/themes/detail.php?ID=75941>. Дата доступа: 10.09.2013.
2. Ярмолик, В.Н. Криптография, стеганография и охрана авторского права: монография / В.Н. Ярмолик, С.С. Портянко, С.В. Ярмолик. – Мн.: БГУ, 2007.
3. ACM/IEEE-CS Software Engineering Code of Ethics and Professional Practice / Association for Computing Machinery. – Mode of access: <http://www.acm.org/about/se-code>. –Date of access: 10.09.2013.
4. An Overview of the Legality and Ethics of Reverse Engineering Software / Webmilhouse [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.webmilhouse.com/files/reverse_eng_paper_final.pdf. – Date of access: 05.04.2013.
5. Laudon, K. Management Information Systems: Managing the Digital Firm / K. Laudon, J. Laudon. – 7 sub edition. – New Jersey: Prentice Hall, 2001.
6. Reynolds, G.W. Ethics in Information Technology / G.W. Reynolds. – 4 edition. – Boston: Cengage Learning, 2011.

ИРОНИЯ МОРАЛИ

Е.В. Беляева, г. Минск, Беларусь

«Пан-иронизм» современной культуры, независимо от того, считать ли ее постмодернистской или давать ей иную атрибуцию, очевиден. В этой ситуации во многих феноменах, не имевших прежде иронических аспектов, таковые проявляются. Более того, обнаруживается ирония таких процессов, однозначность и серьезность которых было просто немыслимо поставить под вопрос. К числу таких сфер, где ирония представлялась неуместной по определению, относилась мораль. Между тем «ирония морали», подобная «иронии судьбы» существовала всегда. Она порождается не субъективной насмешливостью морального субъекта, а собственной логикой морального сознания.

Если отвлечься от чисто эстетической трактовки иронии как разновидности комического, можно рассмотреть ее как общеполитическую категорию, отмечающую «момент диалектического выявления

(самовыявления) смысла через нечто ему противоположное, иное» [1]. Тогда «объективная ирония» должна быть присуща любым процессам, имеющим смысл, так как именно благодаря наличию иронического противоречия в структуре феномена, этот смысл выявляется.

Наличие в морали противоречий и создает предпосылку «иронии морали». Главное противоречие, характеризующее сущность морали – это противоречие должного и сущего, которое воспроизводится и в деятельности личности, и в общественном развитии. Чем выше уровень нравственности человека, тем более требовательно он относится к своему нравственному поведению, любая «победа добра» сопровождается самокритикой морального субъекта, сознающего свою неспособность воплотить абсолютное добро и вынужденного довольствоваться частичным, возможным в данных условиях вариантом осуществления добра.

Подобно иронии судьбы, мораль суть ирония над нашей моральной самоуверенностью, она существует благодаря ироническому противоречию между абсолютными ценностями и их повседневным осуществлением. «Все высокое и нравственное самообесценивается через форму своего проявления, своей реализации», – замечает Рюмина [2, с. 77], т.е. бытие нравственного в некотором смысле по природе своей комично. Не случайно Дон Кихот со своим стремлением к реализации высокого идеала рыцарства становится объектом насмешек, а «положительно прекрасный человек» Ф.М. Достоевского оказывается «идиотом».

Лингвистика свидетельствует, что «сигналом иронии является употребление высоких слов... в обыденных “низких” ситуациях и контекстах» [3, с. 344], а поскольку моральный дискурс в целом является «высоким», то в повседневной жизни он неизбежно оказывается либо ироничным, либо ироническим. Ироничным, если говорящий насмехается над понятиями морали из-за их несоответствия реальной жизни; и ироническим, если, фиксируя разницу сущего и должного, говорящий критикует реальность.

Конечно, в моральных суждениях разница между идеалом и человеческим несовершенством часто фиксируется без иронии, в них однозначно осуждается порок, выражается возмущение недолжным положением вещей. Однако само противоречие, в котором происходит обнаружение нравственного смысла сущего через сопоставление с должным, является ироническим. В этом состоит разница между субъективным *ироничным* отношением к ситуации (которое может быть неуместным) и *ироническим* отношением как объективным самовыявлением смысла ситуации, не зависящего от эмоций и оценок индивидуального субъекта морали. Ироничное отношение к чужой боли,

страданиям и смерти нравственно недопустимо, но этическое осмысление этих феноменов в форме трагической иронии имеет смысл. Перед лицом несправедливых и бессмысленных страданий мораль в некотором роде бессильна, поэтому решение этой проблемы на протяжении веков переносится за границы этики – в сферу теологии, которая и задает модели интерпретации смысла таких ситуаций. В архетипической истории бедного Иова Бог выступает главным ироником, полагающим дистанцию между собой и миром, своим всемогуществом и слабостью твари, между собой как истиной и иллюзорностью любых представлений человека. В этом сюжете Бог не насмехается над Иовом, не относится к нему *иронично*, но демонстрирует объективное *ироническое* противоречие земного и божественного как явного и скрытого.

Познание объективной иронии морали способствует пониманию ее смысла. Именно на это была направлена сократическая ирония как метод познания моральной истины. Он состоял в том, чтобы привести человека к противоречию с самим собой и вывести его из состояния нравственного самодовольства. В противном случае однозначность и неироничность моральной позиции, делают человека подверженным «иронии морали». Самонадеянно неироничный моральный субъект оказывается жертвой противоречия между воображаемой нравственной ценностью своего поступка и его действительной моральной значимостью. Претензии на однозначное понимание должного опасны для самой личности. Чем более тщательно, серьезно, бескомпромиссно она следует правилам морали, тем более агрессивной и аутоагрессивной оказывается ее жизненная практика, о чем свидетельствуют биографии и Савонаролы, и Дзержинского, и многих пуританских моралистов. Отсутствие иронии, монологичность нравственной позиции, однозначность смыслов и неулыбчивость моральных субъектов становятся источником чудовищных конфликтов, причина которых со стороны выглядит... смехотворно. Так война католиков и протестантов в исторической перспективе выглядит ничуть не более содержательной, чем война остроконечников с тупоконечниками в «Приключениях Гулливера». В то же время ирония – не только способ смягчения конфликта. Ирония как «удержание противоречия без снятия» отдает отчет в его неустранимости, а значит, важности и подлинной серьезности проблемы, которую нельзя разрешить насилием и другими безнравственными действиями.

Фиксируя противоречие между реальностью и моральными ценностями, ирония удерживает их, становясь каналом связи между ними. Она выступает незаменимым способом познания столь непостижимых вещей как абсолютное добро, смысл жизни, истинное предназначение человека и прочих необыкновенно значимых вещей, откровенно не поддающихся однозначному определению.

Еще одна интерпретация иронического потенциала противоречия сущего и должного была дана в романтизме. Стремление к недостижимо возвышенному идеалу считалось способом иронического возвышения над действительностью. В этом случае мораль выступает свидетельством не слабости, но, наоборот, духовной силы человека. Мораль становится способом иронического выявления того обстоятельства, что значимость так называемой «реальности», предполагающей «трезвый взгляд на вещи», «прагматический подход без сантиментов» оказывается весьма относительной при столкновении с твердыми нравственными принципами. Безнравственный человек, насмехающийся над «идеализмом» человека морального, сам находится в плену иллюзий, он воспринимает доступное ему понимание ситуации как единственное и истинное, в то время как мир моральных ценностей является скрытым, но куда более подлинным, а попытки игнорировать его значение приводит личность к жизненному краху. Ирония, постоянно различая подлинное и мнимое, способствует утверждению смысла морали, безнравственность же в этом контексте выглядит как серьезная и бес-смысленная позиция.

Таким образом, ирония морали состоит в том, что выявление ее положительного и значимого смысла происходит благодаря ее неосуществимости: должное принципиально невоплотимо в сущем, а всякое конкретное добро относительно в сравнении с абсолютной моралью.

Литература:

1. Михайлов, А.В. Ирония / А.В. Михайлов // Новая философская энциклопедия.— Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/1287.html>. — Дата доступа : 11.09.2013.
2. Рюмина, М.Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность / М.Т. Рюмина. — М.: КомКнига, 2006.
3. Шатуновский, И.Б. Ирония и ее виды / И.Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. — М., 2007.

ЦЕННОСТИ МАЛЕНЬКИХ ТЕЛЕЗРИТЕЛЕЙ В ЗЕРКАЛЕ ДЕТСКОГО ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

О.А. Борисевич, г. Минск, Беларусь

Всем известно, что телевизионный мир для ребенка является неким особым таинственным миром, захватывающим и жутко интересным. Не моргая, ребенок смотрит в «голубой экран» и впитывает как губка все, что от туда изливается в его тончайший и нежнейший сосуд – в его психику.

Это телевизионное пространство способно творить чудеса, благопривно воздействуя на мировоззрение ребенка, а может принести непоправимый вред, раскрыв перед детским взором жестокость, насилие,